

KISS

ПОЛ ★ СТЕПАН

ЛИЦОМ К МУЗЫКЕ СРБИЈАЈА МАСКУ

Пол Стэнли

**KISS. Лицом к
музыке: срывая маску**

«Издательство АСТ»

2014

УДК 785.16.071.2(410)
ББК 85.318(4Вел)-8

Стэнли П.

KISS. Лицом к музыке: срывая маску / П. Стэнли —
«Издательство АСТ», 2014

ISBN 978-5-17-115531-5

Хорошо известный благодаря своему сценическому образу Звёздного Мальчика, Пол Стэнли написал мемуары, которые пленяют своей захватывающей смесью личных откровений, историй взлётов и падений, а также отношений и раздоров – и в группе KISS и вне её. Родившись с патологией «микротия», из-за которой он глух на правое ухо, Стэнли пережил нелегкое детство, но именно оно подвигло его искать успеха в наименее вероятной для него сфере деятельности: музыке. Содержит нецензурную лексику

УДК 785.16.071.2(410)
ББК 85.318(4Вел)-8

ISBN 978-5-17-115531-5

© Стэнли П., 2014
© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Пролог	6
Часть I. Негде спрятаться, детка, некуда бежать	11
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Пол Стэнли

Kiss. Лицом к музыке: срывая маску

Paul Stanley
Face the Music

© Пол Стэнли, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается моей семье

Пролог

Аделаида, Австралия, 3 марта 2013 года

Сидя сейчас перед зеркалом, я на секунду останавливаю взгляд на глазах, что смотрят на меня. По периметру этого зеркала – яркие лампочки, как в театральных гримерках, а на столике перед зеркалом – небольшая коробка с гримом. Нам часа через три выходить на сцену, то есть мне уже надо начинать ритуал, являющийся неотъемлемой частью моей профессиональной жизни вот уже сорок лет.

Первым делом я протираю лицо средством, закрывающим поры. Затем беру баночку с «белым клоунским» – это жирное средство для макияжа на кремовой основе. Набираю на пальцы эту вязкую жидкость, наношу на все лицо, только вокруг правого глаза оставляю островок, где будет примерно грубый контур звезды.

В свое время этот мой грим служил мне защитной маской, за которой скрывалось лицо одинокого ребенка, чья жизнь в то время была невыносимой. Я родился без правого уха – я еще и глухой на эту сторону. Мое самое душераздирающее воспоминание о детстве – это как детишки дразнят меня «Стэнли-монстр-одноухий!». Причем зачастую я этих детишек вообще не знал. Зато они знали меня, того самого парня, у которого вместо уха бородавка. В обществе людей я чувствовал себя обнаженным. С болью я осознавал, что меня все время пристально рассматривают. Когда же я возвращался домой, моя семья ничего не делала, чтобы мне помочь.

Белый грим наложен, я беру расческу визажиста, и тем ее концом, на котором металлическая точка, прорисовываю контур звезды вокруг правого глаза. На белом гриме появляется дорожка, внутри контура я удаляю грим ватной палочкой для ушей, также я очищаю контур губ.

Персонаж, изображение которого появляется на моем лице, изначально родился как защита, которая защищала меня настоящего. Долгие годы, накладывая этот грим, я чувствовал, как возникает другая личность. Грим постепенно закрашивал неуверенного дефективного ребенка, со всеми его сомнениями и внутренними конфликтами, и появлялся другой парень, тот, которого я создал, чтобы показать всем, что им стоит относиться ко мне лучше, что со мной стоит дружить, что вообще я – особенный. Я создал парня, который *уложит* девушку. Те, кто знал меня в детстве и юности, очень удивились моему успеху с KISS. И я понимаю, почему. Они же не знали, что происходит у меня внутри. Не знали, почему я был таким, каким был, и к чему стремился. Ни о чем таком они не были в курсе совершенно. Для них я был просто какой-то раздолбай или уродец. Если не чудище.

Я встаю и иду в другую комнату – обычно к гримерке примыкает ванная. Там я, задержав дыхание, обсыпаю лицо белой пудрой. Она фиксирует белизну на моем лице и пропускает пот во время концерта. Сейчас я могу потрогать пальцем лицо, и палец не окрасится в белый цвет. Эту часть процесса я открыл для себя путем проб и ошибок, а пока не открыл, грим, смываемый потом, слепил меня.

Ребенком я часто мечтал: вот вырасту – стану борцом с преступностью, в маске. Хотел быть Одиноким Рейнджером. Хотел быть Зорро. Хотел быть тем парнем на коне на холме, с маской на лице – это образ из телевизора и кино. Одиноким ребенком хотел стать таким, и он таким и стал. Я создал свою собственную реальность. Созданный мною персонаж, Звездный Мальчик, выходя на сцену, и был *тем самым парнем*, супергероем, полной противоположностью тому, кем я был тогда.

Быть *тем парнем* – я просто балдел от этого.

Но рано или поздно приходилось спускаться по лестнице вниз. А спустившись – сталкиваешься лицом к лицу со своей реальной жизнью во всей ее полноте. Многие годы, когда я уходил со сцены, у меня в голове крутилась только одна мысль: *и что теперь?* Дом тогда был

чем-то вроде чистилища. В те короткие периоды, что KISS не были в туре, я сидел на диване в своей нью-йоркской квартире и думал о том, что никто бы ни за что не поверил, что вот я – дома, и пойти мне, блин, больше некуда. Группа была для меня системой жизнеобеспечения, но она же и отторгала все те отношения, что составляют реальную жизнь. У себя дома я не чувствовал ничего, кроме голода: отсутствовало нечто очень важное, и оно ничем не восполнялось. В каком-то смысле я всегда оставался сам с собой отдаленным, недоступным. При этом оставаться наедине с самим собой для меня было невыносимо.

Со временем граница между человеком и персонажем плавно стиралась. Часть образа *того парня* я уносил с собой со сцены. *Того парня* хотели девушки. Люди-то думали, *тот парень* – это и есть настоящий я. Но я-то понимал, что это совсем не так. На сцене я мог создавать такую реальность, но сохранять ее я не мог. Очень трудно жить весь день Звездным Мальчиком, когда сам в это не веришь. Я знал, кто я такой на самом деле. Я знал правду.

К тому же я занимал оборонительную позицию. Когда окружающие подкалывали друг друга, я мог в этом поучаствовать, но сам принять в этом участие не мог. Я понимал, что гораздо лучше было бы уметь смеяться над своими недостатками и странностями, но дойти до этого самостоятельно не получалось. Побороть же инстинктивную реакцию на то, что ребенком тебя рассматривали и высмеивали, не получалось. Я все еще оставался очень застенчивым и неуверенным в себе. Хотя я сам того не осознавал, меня все еще преследовали горести моего прошлого. Я подпускал в свои шуточки злобы за счет других людей.

Ударись меня – получишь вдвое.

Со сжатыми ладонями жить проще. Но кулаками не добиться того, чего не добиться и сотней других способов с разжатой ладонью. К сожалению, я этого не понимал долго, очень долго. И все то время внутри меня шла борьба, а я ощущал неудовлетворенность, неполноценность и глубочайшее одиночество.

Закрепив белый грим пудрой, я возвращаюсь в гримерку, снова сажусь к зеркалу, вычищаю пудру внутри контура звезды на глазу. Затем я обрисовываю контур звезды черным карандашом для бровей. Наношу на кисточку черный грим, который пожирнее белого клоунского, и рисую звезду. Снова иду в другую комнату, там фиксирую наведенную звезду детской присыпкой на основе талька. Она более матовая, чем пудра на остальной части лица. Возвращаюсь в гримерку, обрисовываю черным водостойким карандашом для глаз контур звезды. Пока все сохнет – смотрюсь в зеркало.

В ранние годы жизни тот, кого я вижу в зеркале, мне не особо нравился. Но я старался – старался стать совсем другим, не строя иллюзий насчет того, какой я есть. Проблема заключалась в том, что как бы я ни старался, цель, как мне казалось, оставалась все так же далека. По мере того, как KISS переживали взлеты и падения, я постепенно осознавал, что все пути, ведущие к тому, что, как мне казалось, меня удовлетворит – или уж во всяком случае примирит с самим собою, – абсолютно ложные. Я думал, что придет слава, и все встанет на свои места. Воображал, что, когда у меня появятся деньги, все наладится. Думал, что когда тебя все хотят – то тут вообще все в порядке. А все это сбылось к 1967 году – тогда KISS прославились альбомом *Alive!*. Но тут оказалось, что когда я кичусь своей славой, то сам от этого не получаю ни малейшего удовольствия. И, хотя к концу 70-х мы заработали миллионы долларов, оказалось, что деньги – а также шмотки, машины и коллекционные гитары, что я скупал, – счастливее меня не делают. Насчет того, что «все тебя хотят». Тут так: с момента выхода нашего первого альбома, секс стал мне доступен в любое время и... да вообще все время. Но тут выяснилось, что можно лежать с кем-то – и все равно быть одиноким! Кто-то сказал, что невозможно быть более одиноким, чем в постели с не *той*. Чистая правда. Есть, безусловно, положения, в которых страдаешь сильнее, чем в постели с моделью «Плейбой» или «Пентхауса», но все равно удовольствие тут довольно скоротечное. Нет, все это, конечно, очень сильно радует, но вот

только недолго. Короче говоря, я понял, что в душе у меня пустота, и ничто из вышеперечисленного заполнить ее не может.

Когда в 1983 году KISS наконец решили выступать без грима, то оказалось, что без маски я еще больше Звездный Мальчик. Точнее, Звездный Мальчик захватил мою личность. Мое настоящее лицо стало лицом Мальчика. Да, того застенчивого обороняющегося нелюбимого ребенка я до какой-то степени задавил, запретил, загнал внутрь, но я никак его не изменил, не перестроил, никем другим не заменил. Я был чем-то типа раковины или пустой лодки. Я все еще искал идеал личности, которой хотел бы стать, а Звездный Мальчик, хоть теперь и без звезды вокруг глаза, оставался тем образом-посредником, через который я общался с миром. Но я все еще считал – или, во всяком случае, *верил* – в то, что людей проще держать на расстоянии вытянутой руки, чем принимать их близко к сердцу. В конце концов, ведь для того, чтобы тебе было хорошо с людьми, тебе должно быть хорошо с самим собой в первую очередь, а мне-то с собой хорошо все еще не было. Посему и в жизни моей все продолжало идти совсем не так, как надо. Где моя семья? Где мои друзья? Дом мой – что это, где оно?

От той основополагающей истины, что мне до сих пор некомфортно в моей собственной шкуре, никуда было не деться. А если ты не можешь уйти от правды, то у тебя два варианта: либо онеметь – оглохнуть – перестать чувствовать. Либо постараться что-то починить. Вот именно так просто, и никак иначе. А я так нарисован – простите двусмысленность – что для меня выход – это починить себя, а не обдолбаться до бесчувствия. Вот даже в самые тяжкие жизненные периоды – когда моя группа распадалась, когда близкие люди откидывались из-за наркотиков, когда я в отчаянии корчился на полу после развода с первой женой – чувство самосохранения и сильная потребность улучшить себя превосходили все остальные импульсы.

Для некоторых людей опыт близкой смерти становится прозрением. На самом деле, прочтите полку автобиографий рок-музыкантов, и вы увидите, что близость того света для многих из них стала поворотной точкой жизни.

Но у меня вообще не было попыток суицида. Я не злоупотреблял ни наркотиками, ни алкоголем, так что не приходил в себя в реанимационной палате, где мог бы обдумать, как жить дальше. Тем не менее со смертью встречался, и, конечно, такие серьезные моменты заставляли задуматься о душе. Но скажу честно: ничто из этого не оказало на меня столь сильного влияния, как одно событие, которое трудно назвать очень рок-н-рольным. Откровение явилось мне не тогда, когда я совал ствол пистолета в рот или лежал на больничной койке с дефибрилятором. Оно явилось благодаря участию в одном Бродвейском мюзикле.

В 1999 году я получил главную роль в «Призраке оперы» Эндрю Ллойда-Уэббера, который поставили в Торонто. Заглавный персонаж спектакля – композитор, который носит маску, чтобы скрыть обезображенное лицо. Ну и главную роль играю я, родившийся без уха чудище Стэнли, который всю жизнь пел на сцене, закрасив лицо гримом. Одна сцена в мюзикле психологически очень сильно на меня подействовала. Это тот эпизод, где Призрак, в своем плаще и маске, выглядит очень элегантным, хоть и опасным. Незадолго до того, как похитить и спрятать в своем логове Кристину – певицу, в которую он влюблен, он наклоняется к ней, а она снимает его маску и обнаруживает страшное лицо. Именно этот момент близости, когда Кристина трогает его лицо без маски, сильно задел меня за живое.

Так вот однажды, в то время, когда я играл Призрака, в театр пришло письмо на мое имя. Написала его зрительница, недавно посмотревшая наш спектакль. «Вы так вживаетесь в образ, что прямо становитесь персонажем, – писала она, – я ни у одного другого актера такого не видела». А далее она написала, что работает в организации под названием AboutFace, которая помогает детям, у которых деформировано лицо. «Могло бы вас заинтересовать сотрудничество с нами?»

Ого! Как это она так все просекла?

Про ухо мое я никогда ничего не говорил. Я еще подростком, как только разрешили, отрастил длинные волосы – закрыл ими ухо, а про свою частичную глухоту не упоминал нигде и никогда. Эти секреты я хранил строго. Слишком личное, слишком болезненное. Я решил позвонить этой даме, не зная, чего ожидать и что сказать. Но я открылся ей – и мне сразу полегчало. А вскоре я уже сотрудничал с ее организацией. Я общался с детьми и их родителями, рассказывал про свою проблему, как я ее переживал, выслушивал их рассказы, в общем, делился опытом. Эффект для меня был совершенно удивительным.

Разговаривая про то болезненное, что я хранил в тайне так много лет, я почувствовал невероятное облегчение. Меня освободила правда, правда и «Призрак оперы». Каким-то образом маска Призрака помогла мне раскрыть себя. В 2000 году я принял на себя роль спикера организации AboutFace. Оказалось, что когда я помогаю другим, то и сам выздоравливаю. В жизни моей воцарилось неведомое до того спокойствие. Я ведь все время искал каких-то внешние зацепки, которые помогут мне выбраться из бездны, тогда как вся проблема скрывалась только внутри меня.

Невозможно взять кого-то за руку, пока твоя ладонь сжата в кулак.
Красоту вокруг себя не разглядишь, если не видишь ее у себя
внутри.
И если сам погряз в собственном ничтожестве, то и других людей
не оценишь.

Я осознал, что не те люди слабы, которые показывают свои эмоции, а те, которые их прячут. Мне пришлось пересмотреть свое представление о том, что такое «сильный». Быть действительно «настоящим мужчиной» – это значит быть сильным: настолько сильным, чтобы плакать, настолько сильным, чтобы быть добрым, сочувствующим, пропускающим других вперед себя, боящимся, но все же ищущим свой путь, прощающим и просящим прощения.

Чем больше я примирялся с собой, тем больше мог отдавать. И чем больше я дарил себя другим, тем больше я обнаруживал того, что должен отдать.

И вскоре после этой перемены во мне я познакомился с Эрин Саттон, умной уверенной адвокатессой. Мы с самого начала были совершенно честны друг с другом, полностью открыты друг другу; ноль драмы вообще. Она все понимала, заботилась обо мне, во всем меня поддерживала, и, что самое главное, вела себя уверенно, последовательно и стойко. Мы не ринулись в отношения сразу, но несколько лет спустя поняли, что не можем даже представить себя отдельно друг от друга. «Я и не надеялся, что у меня когда-нибудь будут такие отношения, – признавался я ей. – Потому что я вообще не знал, что такое бывает».

Такой жизни я искал.
Это плата.
Вот что чувствуешь, когда ты... целостен.

И именно некий поиск, постоянное стремление к тому, что я должен, как мне казалось, иметь – не только в материальном плане, но и в смысле того, кем мне следует быть, – дали мне возможность достичь этой точки. Поиск этот начался с постановки цели стать рок-звездой, а закончился чем-то совершенно иным.

Вот о чем, собственно, эта книга. Также я хочу, чтобы в один прекрасный день ее прочитали мои дети, несмотря на тот факт, что избранный мной путь оказался долгим, тяжким и петляющим по разным диким местам и временам. Я хочу, чтоб дети поняли, какова была моя жизнь – со всеми ее бородавками и всем прочим. Я хочу, чтоб они поняли, что на самом деле все всегда зависит от нас, и что любой может сделать свою жизнь прекрасной. Да, воз-

можно, будет тяжело. Наверное, займет больше времени, чем ты думаешь. Но это возможно. Для каждого.

Я собираюсь с мыслями и снова бросаю взгляд на зеркало. На меня смотрит знакомая белая физиономия с черной звездой. Осталось пшикнуть на волосы одним-двумя баллончиками лака, чтоб стояли до потолка. Ну и конечно, накрасить губы красной помадой. Сейчас, разумеется, я не могу носить такое лицо с серьезным видом – улыбаюсь от уха до уха. Сейчас уже хочется вместе со Звездным Мальчиком праздновать и веселиться – он же старый друг, а не альтер эго, за которым прячешься.

Там, за дверьми, сорок пять тысяч людей в ожидании. Запечатлеваю выход на сцену.

Ты хотел лучшего, ты получил лучшее, самую крутую группу в мире...

Я даю отсчет в «Detroit Rock City» – и понеслась: черный занавес падает, я, Джин Симмонс и Томми Тейер вылетаем на сцену из стручка, подвешенного в сорока футах, а за нами Эрик Сингер уже бьет в барабаны. Фейерверки, огни! Первый вздох толпы бьет тебя – ты это ощущаешь прямо физически. *Ба-бах!* Такой драйв! Ничего круче представить невозможно. Со сцены я люблю смотреть, как люди прыгают, танцуют, целуются, радуются – и все в состоянии экстаза. Я просто балдею от этого. Прямо сборище племени. KISS давно стали традицией, ритуалом, передающимся от поколения к поколению. Вообще, это удивительный дар – уметь общаться с людьми на таком уровне, получать столько от них от всех, от всех нас, и продолжается это уже десятилетия спустя после того, как мы начали играть. На протяжении всего концерта улыбка не сойдет с моего лица.

Но что самое лучшее – улыбка останется на губах, даже когда я сойду со сцены и вернусь в мою реальную жизнь. Во всей ее красе.

Есть люди, которые не хотят возвращаться домой, – они вообще *никогда* не хотят идти домой. Я сам когда-то был таким. А сейчас я просто обожаю возвращаться домой. Потому что где-то на этом длинном пути я наконец понял, как создать свой дом, настоящий дом, тот самый, в котором лучше, чем в самых хороших гостях.

Часть I. Негде спрятаться, детка, некуда бежать

1

Вообще, «дом» – это очень интересное понятие. Вот для большинства людей дом – надежное убежище. Мой первый дом был для меня чем угодно, только не убежищем.

Я родился 20 января 1952 года. При рождении мне было дано имя Стэнли Берт Айзен. Нью-йоркская квартира, в которую родители привезли меня, располагалась на пересечении 211-й улицы и Бродвея, это самый северный край Манхэттена. Я родился с врожденным дефектом, который называется микроотия. Это когда ушная раковина не смогла развиваться, и вместо уха – бесформенная масса, размер которой зависит от тяжести состояния. У меня на правой части головы нарост – не крупнее бородавки. К тому же ушной канал оказался перекрыт, так что на правую сторону я не слышал. Из-за этого я не мог определять положение источника звука, также мне было ужасно сложно понимать людей, если есть хоть какой-нибудь фоновый шум или разговор. Из-за этих проблем я стал инстинктивно избегать любых ситуаций, где нужно было общаться. Мое самое раннее воспоминание: мама, папа и я в нашей гостиной, где шторы закрыты, как будто наш разговор должен остаться строго между нами. «Если кто-нибудь когда-нибудь тебя спросит, что случилось с твоим ухом, – наставляю меня родители, – Скажи им, что таким родился».

Вначале... был Звездный Мальчик

Моя сестра, папа и я в парке Инвуд-Хилл недалеко от нашего дома в Верхнем Манхэттене, 1952 год

Мы с мамой и папой на озере Мохеган-Лейк в Нью-Йорке

Если мы игнорируем это – так, похоже, полагали мои родители, – *то этого не существует.* Эта философия определяла и порядок в нашем доме, и большую часть моего детства. Для сложнейших ситуаций я получал простейшие ответы. Но вопреки тому, что родители проблему мою игнорировали, все остальные ее замечали.

Дети явно отделяют личность от уродства, поэтому я стал восприниматься не как маленький ребенок, а как объект. Но пялились-то на меня не только дети, но и взрослые, что значительно хуже. Однажды в магазине на 207-й улице, недалеко от нашего дома, я вдруг почувствовал, что какой-то взрослый человек в очереди уставился на меня, причем разглядывает меня как некую диковинную штуковину. Такой взгляд не ограничивается тобой и глазеющим на тебя. Напротив, он привлекает всеобщее внимание. А стать центром внимания – это жуть. Я понял, что такое вот пристальное изучение и постоянное внимание к твоей персоне – мука похлеще любых насмешек.

В то время друзей у меня, что и говорить, было немного.

Когда мама впервые отвела меня в детский сад, я очень хотел, чтоб она тут же у дверей развернулась и ушла. Она явно чувствовала гордость, и я хотел, чтоб она ушла поскорее не по той причине, по какой она думала. Она-то думала, что я самостоятельный и уверенный в себе. А я просто не хотел, чтоб она увидела, как на меня сейчас все уставятся. Не хотел, чтоб она видела, что ко мне можно относиться по-другому. Я же в тот момент попал к незнакомым детям, и терпеть все это у нее на глазах я не хотел. Тот факт, что она мною гордилась, выявило то, что она вообще ничего про меня не знала и не понимала, – все мои страхи прошли мимо нее.

Однажды я прибежал домой в слезах: «Мне плюнули в лицо!». Я пришел в родной дом за поддержкой и материнским утешением. Думал, что она спросит, кто это сделал, пойдет к родителям моего обидчика и объяснит, что подобное поведение их ребенка недопустимо. А в ответ услышал: «Стэнли, не прибегай ко мне в слезах, сражайся за себя сам».

Сражаться за себя? Да мне пять лет от роду!

Я вообще никому не хочу больно делать. Пусть меня просто оставят в покое, и больше я ничего не хочу.

Я пошел обратно на улицу и нашел мальчика, который в меня плюнул. И засадил ему в глаз. А он, похоже, уже все забыл и не понял, в чем дело.

Но после этого стало совершенно ясно одно: дом мой – не то место, где мне помогут. Бьют меня, издеваются или что-то еще – придется справляться со всем этим самому.

Жили мы практически дверь в дверь с моей начальной государственной школой PS 98. Территория школы разделялась на три зоны, отделенные друг от друга забором из сетки-рабицы. Там, за забором, иногда появлялся какой-то мальчик, чьего имени-фамилии я не знал, а он знал, как зовут меня. Завидев меня, он с безопасного расстояния кричал: «Стэнли-монстр-одноухий! Стэнли-монстр-одноухий!»

Верхний ряд, третий слева: в первом классе, в позе бейсболиста. P.S. 98, 1958 год

Я понятия не имел, откуда он узнал мое имя, но меня это и не интересовало, я ломал голову только над одним: ну зачем ты это делаешь, зачем? Мне же больно!

На самом деле больно.

Пареньком он был ничем не примечательным, трудно описать даже. Примерно мой ровесник, волосы темно-русые, невысокий, некрупный. То есть я его легко бы побил. Если бы поймал. Но он всегда держался вдали, за забором к тому же, и если б я за ним погнался, он бы успел спрятаться в здании.

Только б мне его поймать.

И поймал-таки. В один прекрасный день, когда он снова завел свою шарманку: «Стэнли-монстр-одноухий!», я привычно сжался. В голове моей звучала мольба: ну перестань, люди же слышат, люди же смотрят на меня!

Ну и как обычно – от взглядов нигде не спрятаться.

Но именно в этот раз я успел догнать его и схватить. Он вдруг жутко испугался, заревел: «Не бей меня!». В этот момент он был похож на испуганного.

«Прекрати так делать, понял? – я потрянул его. – Прекрати!»

Бить я его не стал. Расхотелось, глядя на него такого. Я понадеялся, что не ударю – и он надо мной смилостивится. Отпустил. А он даже тридцати ярдов не отбежал, как повернулся и заорал: «Стэнли-монстр-одноухий!».

Ну почему?

За что ты так со мною?

За что?

Я не мог ничего сформулировать, но чувствовал себя крайне уязвимым, совершенно обнаженным. Никак не мог себя защитить от взглядов и насмешек, которые, казалось, присутствовали всегда и везде. Так что я еще маленьким выработал взрывной характер.

Родители же, вместо того чтобы понять, что такой темперамент – признак поиска защиты и помощи, принялись решать эту проблему путем запугивания меня. «Не будешь себя контролировать, – шипели они угрожающе, – отведем к психиатру». Я тогда знать не знал, что такое этот психиатр, но словечко это явно ничего хорошего не предвещало. Звучало как какое-то дьявольское наказание: я так и видел, как в больничной палате меня кто-то мучает.

Ну и в любом случае я и дома чувствовал себя не очень безопасно. Родители вечерами частенько уходили, а нас с сестрой Джулией, которая всего на два года старше, оставляли одних дома. «Никому не открывать!» – только это они и говорили, оставляя шестилетнего с восьмилетней одних. Мы так боялись, что, ложась спать, клали под подушки ножи и молотки. Утром просыпались пораньше, чтоб потихоньку положить оружие на место, а то родители наорут.

Мы с Джулией делили на двоих маленькую комнату. Родители спали на выдвинутой софе в гостиной. У Джулии очень рано начались проблемы с психикой. Мать говорит, что она всегда «отличалась», даже в младенчестве: буйная, склонная к насилию. Сестра меня пугала. И по мере того как мои проблемы усиливались, я все больше и больше волновался, что кончу *как она*.

Меня родители не особо поддерживали, но, надо сказать, они и друг другу опорой не были. Ева, мама моя, доминировала. Папа, Уильям, подчинялся. Мама себя считала сильной, папу – мягким. Еще она себя считала очень умной. А на самом деле это отец был умным и начитанным. Он окончил школу в шестнадцать, в других обстоятельствах поступил бы в колледж, но его семья настояла на том, чтобы он пошел работать и помог оплачивать счета, и он послушался. К моменту моего появления он работал с девяти до пяти продавцом офисной мебели. С работой этой, которую когда-то выбрал от нужды, он со временем смирился. Но не полюбил.

Мать, пока я был маленьким, сидела дома. Но до того она работала медсестрой и помощником учителя в школе для детей с ограниченными возможностями. Потом она снова вышла на работу, но уже в приемный пункт, куда людей отправляли забирать всякий мерчендайзинг после того, как они собрали в специальную книжку комплект марок по разным программам покупательской лояльности, распространенных в супермаркетах в 50-е.

Семья моей мамы когда-то бежала от нацистов из Берлина в Амстердам. В Берлине они оставили все, а мамина мама даже развелась с мужем, что в то время было большой редкостью. После того, как бабушка снова вышла замуж, они все уехали в Нью-Йорк. Члены маминой семьи к другим людям относились снисходительно, и им совершенно незазорно было высмеивать мою прическу и одежду. Я не сразу понял, что для их надменности и непоколебимого чувства собственной правоты не было никаких оснований. Никакого успеха они ни в чем не добились, просто привыкли всех «опускать». Если я в чем-то не соглашался с моей матерью, то в ответ слышал только «ой, перестань», произнесенное так презрительно, что ты понимал: твое мнение вообще ничего не стоит.

Родители отца – из Польши. Он самый младший из четверых детей. Папа рассказывал мне, что самый старший, Джек, был игроком и алкоголиком. Другой брат, Джо, всю жизнь страдал от резких перемен настроения. А их сестра Моника, явно поддавшись на давление

со стороны родителей не покидать родное гнездо, так и не вышла замуж. Я даже маленьким понимал, насколько со стороны бабушки это было манипулятивно и жестоко. Папа рассказывал про трудное несчастливое детство. Отца своего он презирал. Дед умер еще до моего рождения.

Родители мои не были счастливы. Я не знаю, что вообще служило основой их брака, кроме того, чему позднее придумали термин «созависимость». Никакой радости они друг другу не дарили. Не было в нашем доме ни любви, ни нежности. Худшим днем недели обычно была пятница. Отец обычно бывал взволнован из-за чего-нибудь, родители ссорились и потом все выходные друг с другом не разговаривали. Так себя вести час – это ребячество. Видеть, что твои взрослые родители так себя ведут целыми днями, – безумие.

Вдобавок к проблемам друг с другом родителям еще постоянно приходилось заниматься моей сестрой, которая постоянно попадала в неприятности, наживала проблем и в конце концов стала проводить очень много времени в различных психиатрических клиниках. А поскольку на меня все время смотрели как на хорошего ребенка, то и внимания мне дома уделяли все меньше и меньше. В моем случае хороший – это не тот, которого хвалят, а тот, которого игнорируют. В результате я получил зеленый свет примерно на все. Но чувства безопасности мне это не прибавило. Безопасность – это когда есть границы, ограничения, а в их отсутствие я чувствовал себя потерянным, незащищенным и уязвимым, выставленным на всеобщее обозрение. Я не желал свободы, я ею и не наслаждался. Как раз наоборот: меня чуть не парализовало от страха, потому что никто из близких не сказал мне, что я в безопасности.

Очень много времени проводил я в одиночестве. Каждый день начинался с какого-то дурного предчувствия, ощущения отсутствия защиты. Каждый новый день – неопределенность, незащищенность. Наступает новый день – значит снова иметь дело с окружающим миром, на что у меня не было ни сил, ни умений, значит снова дома расшифровывать молчаливые послания.

Убежище я обрел в музыке.

Музыка – один из больших подарков, что я получил от родителей. За что я вечно буду им благодарен. Конечно, они меня предоставили самому себе, отправили в свободное плавание, но, сами не зная того, указали мне дорогу жизни. Никогда не забуду, как впервые услышал Концерт для фортепиано с оркестром № 5 Ми-бемоль мажор Бетховена, «Император», как его называют. Мне тогда было пять, и мне конкретно снесло крышу.

Для родителей культура и искусство были просто естественной частью жизни. Благоговение перед классической музыкой ощущалось отчетливо. У родителей была здоровая радиолка Harman Kardon, на которой они слушали Сибелиуса, Шумана и Моцарта. Но именно Бетховен заставил меня онеметь.

По выходным мы вместе с мамой слушали «Концерты из Мета» по WQXR – эта традиция у нас, кстати, сохранилась, даже когда я подросток. А начав слушать радио, я открыл для себя рок-н-ролл. Кто бы эту музыку ни играл, будь то Эдди Кокрен, Литтл Ричард или Dion & Belmonts, это всегда воспринималось как чистое волшебство. Они ведь пели о столь славной жизни подростков, о которой я сам вскоре стал мечтать. Все эти воспевания идиллической юности меня очень трогали, мне самому хотелось стать тинейджером. Я как будто переносился в волшебную страну, страну, где жизненное беспокойство касалось романтических отношений и *любви*. Ох, братцы, эти молодые люди жили просто-таки идеальной жизнью!

Как-то раз днем мы с бабушкой пошли на прогулку. Перешли мост на 207-й улице, оказались в Бронксе, направились к Фордем-роуд. А там, на дальнем краю улицы, находился магазин грампластинок. Мы зашли туда, и бабушка мне разрешила выбрать мою самую первую пластинку. Это был сингл на 78 оборотов из шеллака «All I Have to Do Is Dream» Everly Brothers.

«Когда хочу твоих объятий крепких...»

Да если бы.

Пока все нормальные детишки с района носились по улице, играя в ковбоев и индейцев, я сидел дома и как сумасшедший без конца слушал вещи типа «A Teenager in Love» и «Why Do Fools Fall in Love». В то время множество «стандартов» уже переделали в песни в стиле ду-воп, и я все время раздражался, когда моя мама напевала эти песни в оригинальных версиях. «Мам, ну там же не так! Там так вот поют...» И тут я запевал, например, «дип-да-дип-дип-дип» из классической «Blue Moon» 1930 года в версии The Marcels. Иногда мама относилась к современным штучкам пренебрежительно, но в основном, похоже, они ее забавляли.

А потом я *увидел* некоторых из тех певцов и групп, что я любил.

Всем известный рок-н-рольный диджей Алан Фрид начал появляться в телеэфире примерно в то же время, когда состоялся национальный дебют программы *American Bandstand* Дика Кларка. Безумие и опасность людей типа Джерри Ли Льюиса, который пинком откидывал табуретку и тряс волосами, от меня не ускользнула. А что ускользнуло – так это сексуальность их музыки, что не удивительно, если учитывать, что я видел у себя дома. Моя романтическая фантазия была чиста и стерильна, и даже повзрослев, я сохранял такой взгляд на жизнь. Немало лет должно было пройти, чтоб я понял, наконец, о чем на самом деле песни типа «Will You Still Love Me Tomorrow» The Shirelles («Будешь ли ты любить меня завтра» – песня Джерри Гоффина и Кэрол Кинг о случайной связи. – Прим. пер.).

Но люди эти были круты, безусловно. А крутыми они были потому, что пели. И крутыми они были потому, что люди смотрели на них и им кричали. И вот с такой публикой у тех музыкантов было все, о чем я ребенком страстно мечтал.

Обожание. Ух ты!

В том Верхнем Манхэттене, где мы жили, проживало еще несколько семей еврейских иммигрантов вроде нас, но остальные в основном ирландцы. В соседнем доме проживали две приятные пожилые сестры-католички, Мэри и Хелен Хант, незамужние. Они мне стали как тетушки или даже бабушки. По мере того как мое желание выступить, как мои кумиры, совсем меня захватило, я стал захаживать к тетушкам в гости, чтоб им спеть и станцевать. Как только я выучивал какую-нибудь, *любую*, песню, я стучал к ним в дверь, пел, приплясывал два притопа, прыгая с одной ноги на другую.

Когда я запевал, мои сомнения и боль мгновенно отступали.

И жизнь налаживалась.

2

Мне исполнилось восемь лет, я уже должен был идти в третий класс, когда наша семья переехала из Верхнего Манхэттена в рабочий еврейский район на краю Куинса. Ничего подобного я до того не видал: квартал ограничивали линии деревьев, что росли прямо из тротуаров, а через улицу напротив нашего дома располагались заводские ясли, занимавшие целый квартал. А я все высматривал лесничих. Или Лесси.

Большинство местных взрослых на работу ездили в Манхэттен, но сам район жил как маленький городок, затерянный бог знает где. Через три отграниченных деревьями квартала располагалась библиотека, почта, лавка мясника, пекаря, магазин обуви, бакалея A&P, магазин игрушек, магазин скобяных изделий, пиццерия и лавка с мороженым. Я сразу заметил, что одного магазина здесь нет: магазина грампластинок.

Большинство домов в том районе двухэтажные. Некоторые разделялись пополам, чтобы образовать ряд смежных домов; другие, как наш, делились на четыре квартиры, две наверху и две внизу, с двориком у фасада. Мы с сестрой Джулией все еще жили в одной комнате на двоих, но у родителей была теперь своя, отдельная. Детворы в нашем районе было очень много.

Я пошел в школу PS 164. Там не было индивидуальных парт и стульев, на каждого, парты были рассчитаны на двоих. Я молился, чтоб учителя посадили меня на правую сторону – так

сосед по парте будет видеть только мое левое, то есть нормальное, ухо. Не хотел я, чтоб кто-то смотрел на ту мою сторону, которую я считал плохой. Не говоря уже о том, что я б не всегда мог слышать, что мне говорят в мою глухую часть головы.

И в первый же день учительница по фамилии миссис Сондайк велела подойти к ее столу. Я вышел, встал перед всем классом.

Боже, не делай этого.

«Покажи-ка ухо», – сказала она.

Нет, нет, нет!

Она принялась разглядывать меня как научный образец. А это было моим худшим кошмаром. Я остолбенел. Совершенно убитый.

И что мне было делать?

Мне отчаянно хотелось открыть рот и крикнуть: «Не надо!». Но я молчал. Глубоко вздохнув, ждал, когда все закончится.

Если ты это игнорируешь, то его не существует.

Не показывай, что тебе больно!

Вскоре после этого случая мы с отцом шли гулять, и я его спросил: «Пап, а я красивый?» Отец такого вопроса не ожидал. Остановился, поглядел под ноги, и сказал: «Ну, ты не страшный».

Благодарю.

Папе – десять баллов. Вот именно это и нужно закрытому, безнадежно стеснительному ребенку. К сожалению, такое станет моделью поведения моих родителей.

И я стал окружать себя невидимой стеной. Превентивно отталкивать других детей. Я принял роль эдакого говнюка-умника или клоуна, занимая такое место в пространстве, рядом с которым никто не хотел находиться. Мне не хотелось все время быть одному, но в то же время я делал все, чтоб люди ко мне не приближались. Меня мучал внутренний конфликт. Я чувствовал себя беспомощным.

Многие дети района ходили вместе в еврейскую школу, что усиливало их дружбу, сложившуюся в PS 164, и рождало новые внешкольные дружбы. В моей семье зажигали свечи и как-то более или менее отмечали еврейские праздники, но религиозными нас назвать было нельзя. Я, например, бар-мицву так и не прошел. Но это все не имеет никакого отношения к тому, почему я не пошел в еврейскую школу. Я просто сказал родителям: не пойду, и все. Чего я не сказал, так это *почему*. Конечно, я ощущал себя евреем, но я очень не хотел лишний раз оказаться среди людей. Жизнь и так была мрачной, так что не стоило попадать в ситуацию, где будешь дрожать от страха унижения.

ОК, занятия в школе заканчиваются в три часа? Ну, а как насчет того же самого с половины четвертого, с другой шайкой детишек?

Отлично.

А в PS 164 был хоровой клуб, и вот он-то меня сильно интересовал. Это ж возможность петь! В клубе каждый год ставили мюзикл, и прослушивали всех желающих сыграть в нем. Я в первый же год решил поучаствовать в отборе. Когда пришла моя очередь, я вышел на сцену, встал перед людьми и открыл рот, ожидая, что сейчас запою. Но издал лишь вялый писк. Короче, оказался я матросом в хоре в спектакле типа «Корабль Ее Величества „Пинафор“, или Возлюбленная матроса». После этого каждый год – в четвертом, пятом и шестом классах – я пытался получить роль в какой-нибудь постановке. Но всякий раз на прослушивании зажимался, и каждый раз пищал этим жидким голоском. И каждый раз вновь оказывался в хоре, хотя, отсмотрев все прослушивание целиком, я убеждался, что легко перепою любого, кто получил главную роль.

PS 164 еще служила базой скаутов. Когда я увидел однокашников в их синих формах, то сразу подумал, что хорошо бы к ним присоединиться. Когда мой новый друг Хэрролд Шифф

пришел в своей униформе, я взял с него слово привести меня на ближайший сбор. Хэролд в основном дружил с заметными популярными ребятами, но и с несколькими одиночками вроде меня тоже общался. С некоторыми парнями из отряда он крепко дружил. Например, с Эриком Лондоном, который играл в школьном оркестре с Хэролдом, и Джейм Зингером, игравшим на фортепиано. Я пересекался с Эриком и Джейм в хоровом клубе, но их дружба с Хэролдом основывалась на совместном посещении еврейской школы. Я-то по большей части довольствовался компанией самого себя. А когда к чему-то присоединялся, то находился на периферии.

Я понял, что мне лучше владеть командой, чем играть в ней

Каждый скаут стремился получить наградной значок – за то, что умел вязать узлы или помогал бабушкам переходить дорогу, – но мне лично на это было наплевать. Единственное, что привлекало меня, – поход и лагерь. Мы, конечно, несколько выходных провели в лагере, но у меня возникала проблема с ориентированием: когда мы шли, я терял из виду остальных. Тогда-то я впервые понял, что если ты глухой на одно ухо, ты не чувствуешь направление.

Помню, стоял я на поляне и слушал, как мне кричат: «Мы туууут!», но я совершенно не представлял, с какой стороны голос: без способности локализовать сигнал это совершенно невозможно. Я чувствовал себя уязвимым, потому что не знал, где я, – вот как еще я не мог определить себя.

Инстинктивно я все еще тянулся к родителям. Но всякий раз, когда после такой ситуации я приходил домой, желая чувствовать себя в безопасности, они не оправдывали моих надежд. «Просто не обращай внимания, само пройдет» – это стало нашей домашней мантрой. Опять двадцать пять. Я бы хотел побольше поддержки и поменьше тычков, но это была несбыточная мечта. Мои родители стойко отказывались признавать мои проблемы, несмотря на всю их очевидность. Ночами я, например, бродил во сне. Иногда ночью я вдруг осознавал, что я в гостиной. Иногда я даже понимал, что родители разворачивали меня и направляли обратно в кровать. Все они знали. Просто не признавали. Или не хотели разобраться в том, что случилось.

Еще у меня было два повторяющихся ночных кошмара. В одном я в крошечной тьме посреди океана на каком-то понтоне. Берегов не видно, я один и зову на помощь.

Ночь за ночью.

Я один на плоту в открытом океане, вокруг темнота...

Я вскакивал с криком.

Второй кошмар. Я в автомобиле на водительском сиденье несусь по пустому темному шоссе. У машины нет руля. Я пытаюсь управлять, раскачиваясь из стороны в сторону, но ничего никак не могу контролировать.

Ночь за ночью я резко просыпался от этих кошмаров – крича, смущенный, напуганный до смерти.

С сестрой вообще все было плохо. Когда я был в старших классах, она уже все глубже погружалась в саморазрушение. Родители периодически убеждали ее лечь в государственную психиатрическую клинику. После того как она то ложилась в госбольницу, то выскакивала из нее, родители тратили целое состояние – по их тогдашним меркам – на дорогую частную психбольницу. Когда Джулия была дома, она то и дело сбегала, и родители иной раз разыскивали ее целыми днями. Иногда, проснувшись утром, я видел, что родители вновь провели всю ночь без сна, и думал: *Это все убьет их?*

Джулия тусовалась в Ист-Виллидж, где забуривалась в квартиры и закидывалась наркотиками. Однажды она стащила из дома ящичек с серебряными долларами, которые коллекционировала мама, продала их и купила наркоты. Теперь я знаю, что такие действия потом стали называть «самолечением», но в те годы я это все не особо анализировал. Когда она отсутствовала дома – она отсутствовала. А когда была дома – я дрожал от страха.

Мне двенадцать лет, моей сестре – четырнадцать. У нашего дома на 75-й улице... одетые как для съемок в «Клане Сопрано»

Однажды днем родители привезли домой Джулию, только что забрав из некоей клиники, где она прошла сеансы электросудорожной терапии, и оставили нас одних. Ну, просто привели домой и оставили на меня буйную, всего пару часов назад лежавшую в психушке сумасшедшую, которая, так уж вышло, моя сестра. Пока их не было, Джулия на что-то дико разозлилась и погналась за мной с молотком. Я в ужасе забежал в спальню и заперся. Сидел у двери, слушал, с усилием сглатывая слюну, молясь, чтоб родители вернулись.

О, Боже, ну вернитесь же скорей.

Услыхал треск – Джулия бешено долбила дверь молотком.

Бум! Бум! Бум!

Била со всей дури, и деревянная дверь уже пошла трещинами, щепки отлетали, молоток пробивал насквозь.

Затем она резко прекратила. Молоток – в деревяшке, все тихо. Я сжался, считал минуты, потом часы.

Вернутся ли, пока она снова не начала?

Вернулись.

Сестра явно пребывала в возбужденном состоянии. «Что случилось?» – спросили они. Я рассказал им, что Джулия гонялась за мной с молотком. Но они набросились на *меня*, как будто это я виноват. На меня орали. А потом ударили. Я был так испуган, что в голове вообще все смешалось.

Вы меня с ней оставили! Вы сами так решили, не я!

Она попыталась УБИТЬ меня!

В школе по-прежнему было все тяжело и трудно. В средних классах я попытался пойти по пути «одаренных и талантливых». В начальном классе средней школы меня снова поместили в класс одаренных детей. На основании оценок я туда бы не попал никогда – учился я неважно. Но брали туда по некому тесту на интеллект. По IQ я явно проходил, но в классе был одним из худших. Я был из тех, из-за кого долго чешут в затылке, – полагаю, они просто думали, что я не хочу учиться. Чего они не понимали, так это того, что отсутствие уха ставило меня в ужасно невыгодное положение. Я просто не слышал многое из того, что говорилось в классе. А если я пропускал одну фразу, то терялся. А когда терялся – то сдавался. Складывал руки, потому что терял нить.

На родительских собраниях учителя говорили моим одно и то же: «Он умный, но не занимается», или: «Он умный, но работает не на том уровне, на который способен». Ни один учитель ни разу не сказал им: «Он умный, просто не понимает того, что я говорю». В то время дети, которым по объективным причинам трудно учиться, не получали за это преимуществ.

Но мои-то родители *знали*, что я глухой на одно ухо. И тем не менее после каждого родительского собрания дома они меня наставляли-увещевали: «Бог дал тебе такой прекрасный ум, а ты его не используешь».

Я плакал, чувствуя себя виноватым. Каждый раз я клялся: «Завтра я начну с нового листа».

Все это было, конечно, прекрасно и замечательно до тех пор, пока я не приходил на следующее утро в школу, где опять половину не слышал, так что снова не мог следить за речью учителя. Ну и снова чувствовал себя лодырем.

Я понимал, что если чего-то не предприму, то все кончится плохо. Что это значило – провалюсь? Покончу жизнь самоубийством? Этого я не мог определить точно. Жить ничтожеством, жить по лжи, отыгрываться на других – я понимал, что это все очень плохо. И я понимал, что это неприемлемо. Я не знал, чем все кончится, знал только, что конец будет плохим.

Ситуация была кошмарной, и я ее переваривал ночами. В дополнение к ночным кошмарам и хождению во сне я стал настоящим ипохондриком, причем в крайней степени: мне казалось, что я вот-вот умру. Я лежал без сна, боясь, что не проснусь, если засну. В конце концов, конечно, дремал, не в силах без конца держать глаза открытыми. Так продолжалось каждую ночь.

Ты умираешь. Ты в беде.

А потом, о чудо, у меня появился транзистор. Мой первый радиоприемник открыл мне другой мир, отдельный, в который я удалялся, вдевая наушник в мое здоровое левое ухо. Снова музыка стала для меня убежищем, она, по крайней мере, давала мне мимолетное чувство безопасности и приятного одиночества.

А в феврале 1964 года, через пару недель после моего двенадцатого дня рождения, в «Шоу Эда Салливана» я увидел The Beatles. Пока я смотрел, как они поют, меня вдруг осенило: *это же мой билет в свободу*. Вот путь, которым я сбегу из ничтожества жизни и стану знаменитым, тем, на кого смотрят, кого хотят, кого любят, кем восхищаются, кому завидуют.

И безо всякой на то рациональной причины я убедил себя: *я смогу это сделать. Я затрону этот нерв*. Я в жизни до того не играл на гитаре, и, конечно, ни одной песни еще не написал. И все-таки... таков был мой путь к свободе.

Я просто это знал.

Я тут же начал отращивать волосы – желая отрастить «шапку», как у битлов. Отчасти мне хотелось такую прическу ради стиля, но ясно же, почему такой стиль мне нравился: из-за волос не видна бородавка на месте правого уха. Почему-то родители это не просекли: когда волосы отросли, он меня просто изводили угрозами отстричь их.

Как-то днем, вскоре после появления битлов у Эда Салливана, я пересекся с пареньком из нашего района, неким Мэттом Раэлом. Он мне сказал, что-де есть у него гитара и музыку он играет. Он учился на класс младше меня, но меня это очень впечатлило. Все, что мне теперь нужно, – электрогитара, и я бы тоже заиграл музыку. Как мне казалось, я знал, как получить гитару. Следующие одиннадцать месяцев, на протяжении которых шло Британское вторжение, которое принесло нам не только битлов, но и The Dave Clark Five, The Kinks, The Rolling Stones, The Searchers, Манфреда Манна, Gerry and the Pacemakers и The Animals, в общем, список бесконечен, – я кланчил у родяков электрогитару в подарок к тринадцатому дню рождения.

«Для меня это важнее всего на свете», – повторял я им.

3

Утром 20 января 1965 года я проснулся в радостном возбуждении. Наконец-то день рождения! Наконец-то у меня будет электрогитара! «Загляни под кровать», – сказала мне мама. Я, радостный, полез смотреть под кровать. Увидел там большую картонную коробку с рисунком шкуры крокодила. Это была *акустическая* гитара.

Мое сердце оборвалось.

Я вытащил коробку. Открыл. Конечно же, не новая японская акустика с нейлоновыми струнами. Сверху плохо заделанная трещина. Я был совершенно раздавлен. Закрыв коробку, загнал ее обратно под диван. На такой мне играть не хотелось.

Мои родители из таких семей, где нормальным считалось детей несколько принижать, и уж ни в коем случае не возвышать. Они считали, что детей надо воспитывать именно так. Они и раньше что-то доказывали, давая мне не то, чего я хотел. Наверное, просто не хотели, чтоб я зазнался и возомнил о себе.

Когда я отказался от дареной гитары, они стали вселять в меня чувство вины, так и не признав, что сами страшно меня разочаровали.

Мой друг-скаут Хэролд Шифф получил электрогитару на свой день рождения несколькими неделями позже – небесно-голубой Fender Mustang с накладкой из перламутра. Он тут же собрал группу. И позвал меня петь!

Вскоре к нам присоединились друзья Хэролда Эрик Лондон и Джей Зингер, которых я знал по хоровому клубу и скаутам. Эрик играл на контрабасе в школьном оркестре и просто щипал тот же самый инструмент, как вертикальный бас. Джей, который уже умел играть на фортепиано, недавно раздобыл электрические клавиши, орган Farfisa. Барабанщиком Хэролд пригласил Арвина Мироу, парня, с которым общался в еврейской школе. Оказалось, что я его тоже знаю – по хоровому клубу. Затем я подкинул идею переговорить с Мэттом Раэлом, который жил по соседству от Эрика. Так Мэтт стал нашим соло-гитаристом. Мы с Мэттом были единственными в группе ребятами, чьи родители не были врачами того или иного профиля.

Хэролд и Мэтт жили не в квартирах, а в домах, и в этих домах им принадлежали подвалы. Старший брат Мэтта уже играл в группе, и его родители спокойно относились к их шуму. Мама Хэролда тоже не обращала внимания на шум, и мы получили подвал Шиффа, где и начали репетировать. Подвал Хэролда был отремонтирован – стены обшиты сучковатой сосной, пол выстелен линолеумом, имелись так же окошко и дверь на задворки, располагавшиеся ниже уровня улицы.

Хэролд и Мэтт включали свои гитары в один усилочек, а мой голос шел через другой, в который также включались клавиши Джея Зингера. Часто во время пения я подыгрывал на

тамбурине – видел, что певцы по телевизору так делают. Ну а Эрику оставалось дергать басовые струны как можно сильнее. Мы погоняли «Satisfaction» роллингов и другие песни групп Британского вторжения, типа Kinks и Yardbirds. А чтоб Farisa Джея не простаивала просто так, разучили «Liar, Liar» группы The Castaways.

Я в это дело влюбился сразу. Хотя все детишки тогда мечтали стать рок-звездами – учившая весь психоз вокруг битлов и «стоунз» – их родители планировали им жизнь по-другому. Родители считали, что дети должны были пойти по их стопам, стать дантистами или оптометристами, а играть в группе – ну это так, прикол, чем бы дитя ни тешилось...

А я все твердил им: «Я обязательно стану рок-звездой».

Мы с Мэттом Раэлом стали часами зависать у него дома. Мало того что репетировали сами, еще и слушали репетиции группы Джона, его брата. Мы с Мэттом так много занимались музыкой в его доме, что его мать наконец предложила нам бизнес-сделку: мы подремонтируем старую книжную полку, которую она купила на севере города, и за это можем считать подвал своей репетиционной базой вполне официально. Так что мы с этой полки отодрали всю белую краску и спокойно репетировали дальше.

Родители Мэтта были эдакими прото-хиппи. Его мама, между прочим, пела на первых пластинках группы Weavers и дружила с Питом Сигером. Она сидела с детьми Вуди Гатри. К тому времени, когда я познакомился с родителями Мэтта, она все еще устраивала знаменитым фолк- и блюз-музыкантам – Сонни Терри, Брауни МакГи, Лед Белли, и самому Сигеру – концерты на всяких тусовках в Манхэттене.

Я бесконечно слушал радио и знал все современные поп-хиты, но дома у Мэтта познакомился с другой музыкой благодаря совершенно изумительной родительской коллекции фолк-пластинок. Тонны кантри-блюза, всякого старья и много современного, вроде Боба Дилана, Эрика Андерсена, Тома Раша, Филадельфия Оукса, Баффи Сент Мэри и Джуди Коллинз. В итоге я вытащил свою акустическую гитару из-под кровати, а Мэтт показал мне несколько аккордов. Потом я еще взял пару уроков у одной дамы, которую нашел по объявлению в местной газете. Первая песня, которую я выучил, – «Down in the Valley». А вскоре у меня на шее уже прикреплена была губная гармошка – я пытался изображать ту фолк-музыку, что слышал дома у Мэтта.

А группа продолжала репетировать, и летом 1965 года случился наш первый концерт. В тот год проходили выборы мэра, и в нашем районе дислоцировался местный штаб агитаторов за Джона Линдзи. Сидели за витриной – открытое помещение, ярко освещенное. Хэрролд устроился к ним волонтером – раздавал агитматериалы. Думаю, он считал, что это круто и повзрослому. Однажды в штабе один ответственный работник, обсуждая съезд или вечеринку, упомянул, что неплохо бы организовать что-то подобное. Хэрролд, хотя разговаривали совершенно не с ним, встрял в беседу: «Это, у меня группа есть!»

Ну, они и пригласили нас сыграть на том мероприятии. Думаю, Демократическая партия решила, что наберет здесь дополнительных очков, если для них будут играть детишки из этого района. Плату нам никакую не выделили, да и народу не много собралось, но, как бы там ни было, это был концерт. Мой первый концерт!

Иногда на репетиции я просил Хэрролда показать мне на его «фендере» аккорды с баррэ. Все эти азбучные штуки казались совершенно элементарными, но если б я знал тогда, как долго мне придется трудиться, чтобы хотя бы приблизиться к уровню более или менее умелого гитариста, я бы тут же на все это забил. А в то время меня это, наоборот, заводило и толкало дальше. Нет, конечно, торчать в подвале – это здорово, но я хотел занять свою электрогитару и заниматься серьезно. В любое свободное время я стал ездить на метро в Манхэттен и прочесывать музыкальные магазины на 48-й улице в поисках гитары, доступной мне по средствам.

Для меня эти поездки стали настоящим паломничеством. Между Шестой и Седьмой авеню независимые музыкальные магазины стояли по обе стороны 48-й улицы. А на квартал вверх, на 49-й улице и Седьмой авеню, находился магазин сэндвичей под названием Blimpie's.

Я покупал там сэндвич или техасский чили-дог – покрытый клейким желтым сырным соусом, чили и луком – в Orange Julius, и затем бродил по музыкальным магазинам. В те годы ничего руками трогать не разрешалось. Если ты хотел поиграть на инструменте, то тебя спрашивали: «Вы это купите сегодня?» А если ты выглядел не как потенциальный покупатель – как я, например – говорили: «Позволь мне увидеть, что у тебя действительно есть на это деньги».

Так что смысл этих путешествий по 48-й улице заключался не в том, чтобы играть, а в том, чтобы плавать среди причиндалов рок-н-ролла: барабанных установок, гитар, бас-гитар. И когда я замечал музыканта, которого до того видел по телевизору или в музыкальном журнале, я тут же собирался. Я уносился на небеса.

В старших классах я стал все чаще прогуливать уроки. Утром запрыгивал в автобус и ехал на 48-ю улицу. Приезжал я туда рано, когда магазины еще не открылись, так что еврейский мальчик сидел на скамье в Кафедральном соборе Святого Патрика на пересечении 49-й улицы и Пятой авеню и ждал. А еще в квартале от собора я нашел магазин пластинок под названием Record Hunter («Охотник за пластинками») – там разрешали слушать пластинки. У них там стояли столики с вертушками и наушниками, и можно было попросить открыть любую пластинку и прослушать. Вот таким, в моем представлении, выглядел идеальный день – ждешь в соборе открытия магазина пластинок, слушаешь музыку, съедаешь чили-дог, любишься гитарами.

Изучая окрестности возле дома, я обнаружил, что если сесть на автобус Q44, идущий от моего дома на юг, и доехать до конечной в Джамайку и Куинс, то попадешь в гигантский двухэтажный магазин пластинок под названием Triboro Records. И вот у них были тысячи альбомов. И поскольку район тот по преимуществу был черным, то я там узнал музыку, с которой нигде больше не мог до того познакомиться: Джеймс Браун, Джо Текс, Отис Реддинг, а также чернокожие комедианты, например, Редд Фокс, Пигмит Маркхэм и Момс Мэбли. Не всегда у меня были деньги на покупки, но просто держать в руках пластинку и глядеть на конверт – это уже ценно.

Я год копил деньги, и прибавив к ним те, что получил на четырнадцатый день рождения, я в один прекрасный день вошел в музыкальный магазин Manny's на 48-й улице. Остановив взгляд на одной из гитар, я попросил: «Простите, могу ли я попробовать эту?»

«Сегодня купишь?» – ответили мне.

«Да».

«Деньги покажи».

Я вывалил все свои деньги, и мужик за прилавком протянул мне гитару, которую я собирался купить: размер три четверти, два стратокастеровских звукоснимателя – копия, сделанная Vox. Гитара не супер, мягко говоря, но я мог себе позволить себе только такую – она стоила дешевле всех, потому что была не полноразмерной. И кроме того, я ведь о гитарах ничего не знал, да и играть почти не умел.

Тем не менее наконец я купил свой *настоящий* билет в свободу.

4

Как только я обзавелся электрогитарой, я тут же стал пробовать сочинять песни. Казалось, что играть на инструменте и писать песни – совершенно естественное сочетание, одно и то же практически. И каждый раз, когда мне нравилась песня, я пытался состряпать что-то подобное. Одна из моих первых попыток – оммаж песне «The Kids Are Alright» группы The Who.

Я также изучал структуры песен, которые писали композиторы и поэты из «Брилл-Билдинг» (офисное здание в Нью-Йорке, в котором располагались компании, занимавшиеся шоу-бизнесом. – Прим. пер.) – Барри Манн и Синтия Уэйл, Джерри Гоффин и Кэрол Кинг, Джефф

Берри и Элли Гринвич. Песни с куплетом, припевом, бриджем и крутейшим «хуком» – ударной фразой. Это такие цепляющие песни, что при первом прослушивании ко второму припеву тебе уже кажется, что знаешь их всю жизнь. Песни с красивыми мелодиями, рассказывающие историю.

Группа из подвала Хэролда Шиффа заглохла, но Мэтт Раэл и я, у которого теперь была гитара, стали джемовать вдвоем. Иногда к нам присоединялся барабанщик, паренек по имени Нил Тиман. Мы назвали себя Uncle Joe и не переставали расширять свой репертуар. У Мэтта тем временем зрели свои проблемы, и в конце концов родители отправили его в частную школу в Манхэттене.

Волосы мои к тому времени отросли уже очень прилично, но они сильно вились. Кудряшки я тогда ненавидел, потому что стилем того времени были прямые волосы. Так что я купил крем-релаксатор Perma-Strate, который продавался в любом негритянском квартале. Perma-Strate этот попахивал аммиаком и всякими тяжелыми химикатами и жег кожу на голове как хрен знает что. Надо было наносить его на волосы, зачесывать назад, дать отстояться, а потом расчесывать наперед. Однажды я передержал – и на коже головы проступила кровь. Я, кстати, волосы и утюгом распрямлял, было дело. Что угодно, лишь бы выпрямить. Выглядел я так, что мать одного моего нового друга Дэвида Ана называла меня «Принц Вэлиант» (герой комикса о рыцарях. – Прим. пер.). А отец мой взял в привычку обращаться ко мне «Стэнли Толстожопый».

С Дэвидом Аном я познакомился в начальных классах средней школы Parsons. Семья у него, как и у Мэтта, была дружной и артистичной. Отец – художник, мама – учительница. Дэвид, как и я, ходил с длинными волосами. Иногда, когда я забивал на школу и ехал на Манхэттен бродить по Сорок восьмой, он присоединялся ко мне. Он тоже был большим фанатом музыки. Мы Дэвидом старались изо всех сил проникнуть в многообещающую контркультуру.

Однажды, идя по Мэйн-стрит в нашем районе, я увидел новый магазинчик с вывеской Middle Earth. Лавочка торговала всякими причиндалами для употребления наркотиков: кальяны, стеклянные трубки и все такое прочее. А за прилавком стояли длинноволосые.

Может быть, я здесь придусь ко двору?

Ко двору нормальных людей я не приходился, это было очевидно, но вот здесь, прямо в моем районе, нашлась альтернатива. Я стал там тусоваться, болтать с продавцами, с покупателями. Дело было не в наркотиках – хотя я и стал время от времени покуривать кальянчик – я старался, чтоб меня приняли. Отверженный или тот, кто находился в добровольном изгнании, в Middle Earth чувствовал себя комфортно. Дошло до того, что я стал приходить туда с моей акустической гитарой и наигрывать.

На «Акции» в Центральном парке в пятнадцать лет... с небольшой помощью испытываю полнейшее блаженство

В школе одна девочка, Эллен Ментин, относилась ко мне с невероятным пониманием и терпением. Я ей доверял настолько, что попробовал рассказать про моих внутренних демонов, но все эти намеки на мои проблемы мое беспокойство не уменьшили. Эллен хотела, чтоб мы стали такой нормальной парочкой старшеклассников, в кино там ходили вместе и все такое, но я был неспособен находиться с ней на публике. Мне такое казалось слишком рискованным, слишком удушающим и клаустрофобским.

Что если, когда мы вместе, кто-нибудь станет надо мной смеяться?

А еще я не мог понять, почему она хочет быть с кем-то вроде меня, ведь я хоть теперь и длинноволосый, но все равно ж чудик. Я ее даже спросил прямо: «За что я тебе нравлюсь-то? Почему ты хочешь быть со мной?» Я совершенно ничего не понимал.

Мы с Эллен остались просто друзьями, но быть с кем-то, кто так сильно заботится о тебе, было почти невыносимо. С нею даже поездка на автобусе в кино была риском, на который я не мог решиться.

Однажды отец решил мне рассказать про пестики-тычинки в своей версии. Ни с того ни с сего на прогулке он вдруг заявил: «Кого-нибудь обрюхатишь – будешь решать все это сам».

Это что значит, в четырнадцать лет меня на улицу выкинут?

Отлично.

Я толком и не знал, как именно кого-то «брюхатят», но теперь понял, что это билет в никуда в один конец.

Как будто сейчас я не сам по себе.

Я кучу времени проводил *сам по себе*, дома, в своей комнате, от всего отключившись и погрузившись в музыку. Я слушал свой транзистор, играл на гитаре, читал музыкальные

журналы. Мама моя, чувствуя вину за то, что проблемы сестры занимала все ее время, купила мне стереосистему.

Я стал преданным слушателем радиопрограммы Скотта Муни *The English Power Hour* («Час английской силы»). Это была одна из ранних FM-программ, в которой представляли все новейшие звуки Соединенного Королевства. Весной 1967 года в английских чартах и на концертных площадках безраздельно царил Джими Хендрикс. Музыка этого американца, перебравшегося в Британию, стала проникать обратно в Штаты через программы вроде той, которую готовил Муни. Когда, наконец, первый альбом Хендрикса прибыл, он потряс меня, как взрыв атомной бомбы.

Я обожаю делать так: поставить альбом Jimi Hendrix Experience, лечь и приставить колонки к голове. Хотя правая сторона у меня глухая, но если прижать динамик к голове, то звук проходит через кости черепа. А еще я выкрасил комнату в пурпурный цвет и повесил на потолке новогодние гирлянды с мигающими лампочками. Я играл на гитаре и глядел в зеркало, где отражался в мерцающем свете, стараясь повторять прыжки и «мельницу» Пита Таушенда из The Who.

Но, наверное, самое большое влияние Хендрикс оказал на прическу. Его прическа – это пышная шапка, Джими Пейдж и Эрик Клептон потом тоже такое носить стали. Это стало стильным «луком» внезапно. Помню тот первый раз, когда я взбил так свои волосы. Нет, никакую Perma-Strate использовать больше не буду. Когда я вышел из своей комнаты, собираясь уже на улицу, с этим «взрывом» на голове, мама спросила: «Ты же *так* не покажешься на людях, да?»

«Почему же. До скорого!»

Пришло время гордо реять моему причудливому флагу.

Когда уже замаячило окончание средних классов школы, я решил попробовать поступить в старшие классы в Школу музыки и искусств – это такая альтернативная школа в Манхэттене на перекрестке западной 135-й улицы и Ковент-авеню. А я в своих средних классах считался чуть ли не лучшим художником, рисование – это правда моя «фишка». Но, что столь же важно, я надеялся, что в этой новой, специальной школе обстановка будет более приятной, чем в тех мясорубках, в которые я до того попадал. Мне уже удалось уйти от взглядов на ухо, которое от меня никак не зависит, к тем, кто пялился на мое рукотворное: странные прическу и одежду. В то время в большинстве школ еще бытовал дресс-код, но в этой Школе искусств придерживались другой философии: неважно, в чем ученик пришел, главное – что пришел.

Я это видел так: из школьных чудаков я перейду в школу для чудаков.

5

Хотя рисование и стало моим входным билетом в Школу, но всерьез о карьере в сфере изобразительного искусства я не думал. И слава богу: появившись в Школе осенью 1967 года, я увидел не только множество учеников, столь же способных, как и я, но и тех, кто явно был намного, намного лучше. Это сильно отрезвило.

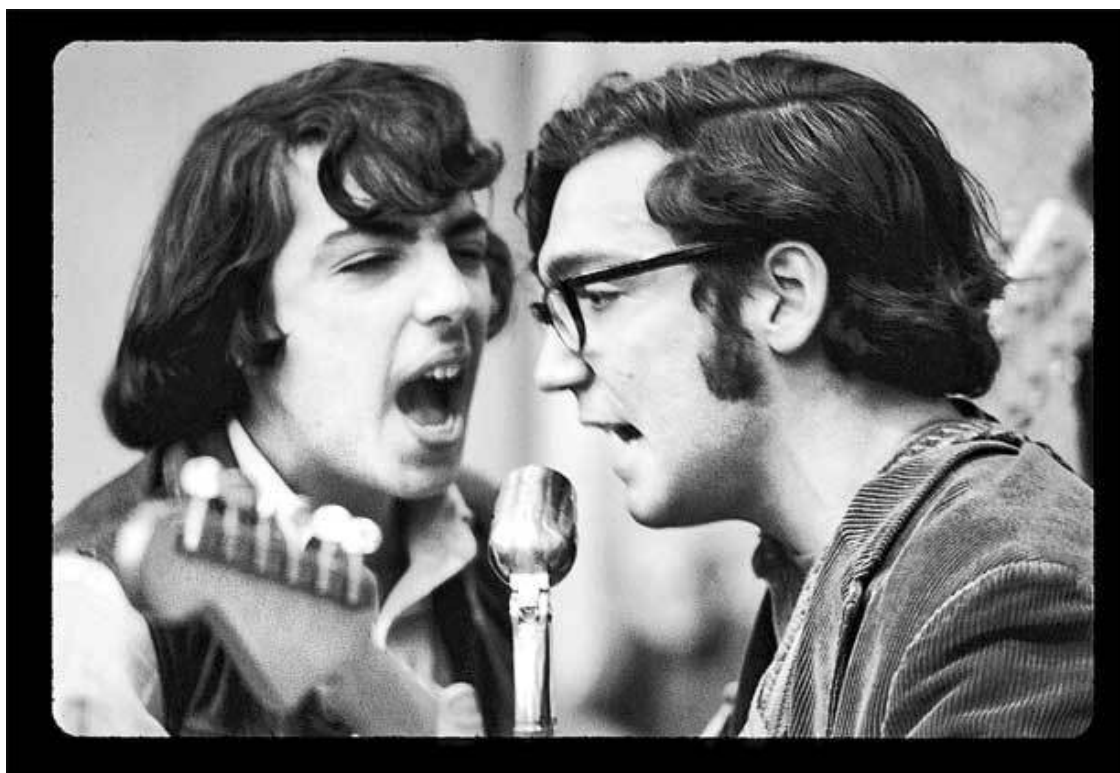
Искусством я занялся в основном потому, что школ для подростков, желающих выучиться на рок-звезд, просто не существовало. А искусство я считал запасным вариантом. Но нет, я тут же перестал рассчитывать на этот вариант. Я теперь точно знал: либо музыка, либо хана. Но даже при этом я ходил в школу каждый день, а мои музыкальные устремления оставались дома, в пурпурной комнате. Хотя одноклассникам я ничего не говорил про мои музыкальные планы и даже не пытался перейти на программу обучения музыке. Я, конечно, был в курсе, что ученики Школы добились успехов в музыке. Причем не только на Бродвее и в оркестрах. Вот у группы под названием Left Banke появился в ту пору большой хит «Walk

Away Renee» – эти музыканты недавно окончили Школу. То же и с Лорой Нироу. Дженис Йен, которая недавно выпустила хит «Society's Child», еще училась, когда меня туда взяли.

Однажды старший брат Мэтта Раэла, Джон, зашел пообщаться со мной. Он к тому моменту уже поиграл не в одной группе, так что мы все смотрели на него снизу вверх. На его первую группу повлияли The Ventures – серф-рок то есть – но именно в тот момент Джон возглавлял группу Post War Baby Boom, которая по звучанию напоминала что-то такое из Сан-Франциско. То есть хипповский вариант фолка, блюза и шумов джаг-бэнда. У них была певица, которая в некоторых песнях пела главную партию, – вот это напоминало первую группу Грейс Слик (прославившейся в группе Jefferson Airplane. – Прим. пер.), The Great Society. И Post War Baby Boom давали настоящие всамделишные концерты.

И вот ни с того ни с сего этот Джон приглашает меня в группу: им ритм-гитарист понадобился. У меня в голове колесики быстро закружились: так, а чего это они не пригласили Мэтта, который сейчас играет гораздо лучше меня? Может быть потому, что я в старших классах, а Мэтту до них еще год? И Мэтт не обидится ли?

Черт подери, да ведь настоящая группа! Это дико круто!

Выступаю с The Baby Boom в Томпкинс-сквер-парке в Ист-Виллидж. Я слева, мне пятнадцать. Джон Раэл – справа

И я ни секунды не колебался. Я сказал да. И вот мы уже репетируем в том самом подвале, где до того занимались мы с Мэттом. Мы сделали ускоренную версию «Summertime» Джорджа Гершвина. А я еще разобрал «Born in Chicago», версию Paul Butterfield Blues Band, и даже спел в ней лидирующий вокал.

В группе все были старше меня на два года как минимум, а в том возрасте это кажется значительной разницей. Но я не додумал, что школу они окончат уже в этом учебном году. Тем не менее на какое-то время я был с ними. «Наш» новый состав дал несколько концертов, и тут я предложил попробовать получить контракт на выпуск пластинки. Я сказал, что нам нужна фотосессия, причем я знал, кто ее сделает. Летом 1967 года я провел две несчастных недели

в летнем лагере близ гор Катскилл. Точнее, предполагалось, что там будет летний лагерь. На деле, все оказалось мошенничеством чистой воды, просто один мужик собрал с нескольких родителей деньги за то, что их дети приедут к нему на ферму, там поживут, и, как оказалось, заодно снесут его старый сарай. Он это дело назвал рабочим лагерем, имея в виду, что, согласно его программе, городские ребяташки поработают на земле. Вообще там были, конечно, свои прикольные моменты, и там же я подружился с одним из наставников – их тоже обдурили, как и нас. Звали его Мори Энглендер, и работал он на знаменитого фотографа с Манхэттена.

Мори имел доступ в студию того фотографа в любые часы простоя студии, и в этом заключался один из бонусов этой работы, поскольку Мори сам стремился стать фотографом, и на самом деле меньше чем через год действительно стал сотрудничать с журналами уровня Newsweek. В общем, я ему позвонил, и мы договорились в уик-энд зайти в студию, чтоб Мори нас там поснимал. Мори еще и в политкампаниях участвовал, так что фотосессию мы превратили в концерты для антивоенных организаций. Тогда, в начале 1968 года, протесты против войны во Вьетнаме уже набирали обороты.

С клубными концертами все было гораздо сложнее. Там все еще требовались в основном группы из верхних сорока строчек хит-парада. А мы играли свои песни, а если и делали каверы, то не тех песен, что торчат в хит-парадах. Я все-таки договорился, чтоб нас прослушали в заведении под названием Night Owl («Ночная сова»). Я просто прочитал где-то, что там играла группа Lovin' Spoonful, а джаг-бэндовские корни и радостный саунд этой команды были не так уж далеки от того, что наша Post War Baby Boom пыталась делать. Но на прослушивании дядька, который принимал решения, встал и вышел, не дослушав нас. Не дали нам там концерт сыграть.

Хотя все шло очень медленно, я очень хотел добиться успеха и работал неустанно. В конце концов мне удалось передать наш материал одному инсайдеру CBS Records, и мне оттуда перезвонили. «Парни, вот если вы играете настолько же круто, насколько выглядите, то вас ждет успех», – сказал этот человек, менеджер, имея в виду одно из фото группы, которую Мори Энглендер сделал в студии.

Менеджер этот еще до того, как с нами встретился и послушал, организовал нам демо-запись на CBS. Я написал песню «Never Loving, Never Living», но стеснялся ее сыграть группе до того дня, как мы должны были идти в студию. А наша певица накануне решила искупаться в фонтане в Вашингтон-Сквер-парк в Гринвич-Виллидж, из-за чего простудилась и лишилась голоса. На следующий день мы пришли в студию – я тогда впервые оказался в настоящей студии – а она петь не в состоянии.

Ну и вишенка на торте: этот менеджер CBS заявил, что переименует нас в The Living Abortions. Демо мы так и не закончили.

Тем временем, несмотря на мою закрытость, я охотно ходил в Школу каждый день: там благодаря отсутствию школьной формы можно было видеть девочек в футболках и лифчиках. Но вскоре опять оказалось, что я не в ладах с собою и с окружающими. Из-за шмоток и волос я казался круче и хипповее, чем был на самом деле. Но волосы мои были взбиты по одной очень специфической причине, и я робел перед ребятами, которых считал крутыми на самом деле. Постепенно пришло осознание: то, что я прикрыл ухо волосами, ничего не решало. Как и всегда в жизни, дело не в том, что видели люди, а в том, что я сам знаю и как я чувствую.

Однажды в школе меня подозвала одна из крутейших девчонок – Виктория – фигуристая блондинка с обезоруживающими голубыми глазами. Все знали, что у нее и друзья крутейшие – как в школе, так по жизни. А я тогда носил кожаную куртку с бахромой, что тогда выглядело просто суперстильно и модно, к тому же не каждый такое носил, даже в нашей Школе искусств. «Эй, бахрома!» – крикнула она.

Я подошел к ней, мы разговорились, и я как-то так расхрабрился, что даже пригласил ее куда-нибудь со мной сходить. Это вот прямо был опыт полного отстранения: кто-то говорил,

и этот кто-то – я, но я к нему не имел никакого отношения, потому что зашел на неизвестную территорию. А она согласилась, и я ушел – радостный и встревоженный.

Сходили мы не куда-нибудь, а на концерт в Fillmore East (легендарный концертный зал, где проходили исторические концерты групп психоделической эры – от Grateful Dead и Эрика Клептона до Майлса Дейвиса. – Прим. пер.). Правда, когда мы туда зашли, Виктория тут же встретила там тысячу знакомых. Короче, сидели с ее друзьями. Я тут же задрожал, потому что они-то и вправду крутые и клевые, а я-то кто – взвинченный мальчик из Куинса. Они стали передавать косячок по кругу. Я тоже затягивался в свой черед. Короче, обдолбался я хорошо, начал говорить что-то без умолку. Виктория удивилась: «Блин, че ты гонишь?»

Я закрыл варежку до конца концерта.

После концерта мы пошли к ней домой. А меня все еще не отпустило, плюс я боялся, что Виктория нашла трещину в моей броне и теперь сомневается в том, крут ли я. Я в конце концов стал что-то говорить ее отцу, причем нес околесицу еще долго, уже когда она ушла к себе в комнату и легла спать. Я наконец выскользнул из этого дома, чувствуя себя полным мудаком.

Ну и с тех пор она, когда меня видела в школе, хихикала. Скорее всего, не от злости, конечно, но ведь она *не со мной* смеялась.

Еще одна девочка, с которой я встречался короткое время, жила на Статен-Айленде. Она была наполовину норвежкой наполовину итальянкой, жила в итальянском районе. Она сидела на «спидах», аппетит у нее часто пропадал, а я был упитанным и коренастым, так что частенько съедал ее ланч, который ее мама заботливо готовила, не догадываясь, кто именно его будет смаковать. Когда ее мама меня впервые увидела, я ей вроде бы понравился. Но в следующий раз, когда я зашел за подругой, меня не пустили на порог.

«Мне что, войти нельзя?» – спросил я девушку.

«Нет: мама думала, что ты итальянец, а потом узнала, что ты еврей».

Так я познакомился с чудесным миром антисемитизма.

STUDENT INFORMATION				TRANSCRIPT OF HIGH SCHOOL RECORD										SCHOOL INFORMATION									
NAME: EISEN STANLEY B				ACADEMIC SUMMARY										SCHOOL NAME: S. OF MUSIC & ART									
NO. STREET				SIX SEMESTER		TOTAL		NO. OF		AVERAGE		RANK		GROUP		NO. IN		STANDING					
ADDRESS: 144 32 75 RD				MARKS		POINTS		MARKS		58.14		552 IN 587		5.9		LOCATION: CONVENT AVE & 135 ST		NEW YORK, NY					
CITY STATE				N.S. AVERAGE		1840		271		=		552 IN 587		CLASS		PERIOD		DATE					
FLUSHING 11367				OFFICIAL CLASS		617						563		45		5		4/0		65		08/23/69	
SEX BIRTH DATE DATE ENTERED SECONDARY SCHOOL EXPECTED DATE OF LEAVE				CLERK SCHOOL NUMBER		1521/23								333685		587		NY ST DEPT					
M 1/20/52 9/67 6/70				ACADEMIC RECORD																			
				GRADE 9		GRADE 10		GRADE 11		GRADE 12													
				MARKS		MARKS		MARKS		MARKS													
				1 TERM		1 TERM		1 TERM		1 TERM													
AREA UNITS AV.				SUBJECT		SUBJECT		SUBJECT		SUBJECT													
ENGLISH 3.0 73				ENG 1 YR		70		50		ENG 3 YR		75		65									
SPANISH 1.0 55				WLD GEOG		65		65		WORLD HIST		65		70									
				GEN. MATH		70		70		9YR MATH		50		41									
MATHEMATICS 1.5 59				GEN. SCI		50		50		MAJ IN ART		83		88									
SCIENCE 2.0 70				SPANISH YR 1																			
SOC STUDIES 2.0 71																							
ART & MUSIC 2.0 80																							
COMMERCIAL 1.0 80																							
T.A.C.H.E. 1.0 80																							

Я на 552 месте из 587 учащихся. Если вы не сможете окончить учебу в первых рядах, отличитесь, окончив ее на самом дне. В любом случае, чудо, что меня вообще выпустили

Через какое-то время моя двойная проблема – неуверенность в себе и глухота на одно ухо – привели к тому же, к чему и в школе: я терял нить, расстраивался, закрывался и в конце концов стал прогуливать школу настолько часто, насколько вообще это допускалось. Я знал, сколько дней могу отсутствовать, сколько уроков пропустить, сколько раз опоздать, и весь этот запас использовал по полной. Более всего меня интересовала вот эта вот школьная статистика.

Я стал призраком: в школе почти не появляюсь, а когда присутствую на уроках, то меня почти не видно. Садился на последнюю парту и ни с кем почти не разговаривал. И снова из-

за своей оборонительной позиции и страха перед обществом я отправил себя в добровольное изгнание. Я снова начал закрываться. Жизнь стала ядовитой и одинокой. Вернулись проблемы со сном. Мне вновь снились знакомые кошмары, от которых я просыпался с криком, уверенный, что умираю.

Я один на плоту в открытом океане, вокруг темнота...

6

Однажды, когда моя мама впервые поехала в Германию, отец заявился домой поздно и попахивал бухлом. И говорит мне: «Мы все иногда делаем что-то, чего делать не должны».

Боже мой.

«Но все ж нормально, да?»

Я твой ребенок. Ты от меня ждешь отпущения грехов? От меня? Хочешь, чтоб я снял с тебя чувство вины за что-то, что ты только что натворил?

Я уже давно и хорошо усвоил, что от родителей не стоит ждать ни поддержки, ни одобрения. Но я совершенно не ожидал того, что теперь они будут переваливать свои проблемы на меня.

Я вдруг вспомнил один случай, который произошел несколько лет назад. Однажды вечером раздался звонок, отец взял трубку и, выслушав звонившего, явно занервничал. Он что-то прошептал маме, и они вызвали полицию. Полицейские приехали, допросили отца о том, что он услышал по телефону, и он рассказал, что некий мужчина на том конце провода пригрозил, что если отец не перестанет встречаться с какой-то женщиной, то огреbet от него по полной. «Сказал – яйца отрежу», – добавила мама. Мы решили, что звонящий просто номером ошибся, но тут мне стало интересно, что же тут на самом деле.

После того случая дом наш стал казаться самым опасным местом вообще. Только десятилетия спустя я узнаю, что на самом деле происходило, но уже тогда я точно знал, что наш дом давно стал смертельным водоворотом.

Я тоню.

Видеть себя в машине без руля на полной скорости или на понтоне вдали от берега в темноте – это уже довольно скверно, а теперь понтон этот, к тому же, еще и тонет.

Что бы ни происходило с моей сестрой, родители это только усугубляли. Что бы ни происходило со мной, родители это только усугубляли. В доме моем ощущалась такая же опасность, как и в школе и вообще во всех общественных местах. Я никуда не мог деться от всепроникающего чувства страха. Мне было всего пятнадцать лет, а я уже его ощущал. И поговорить об этом не с кем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.